

ЦЕНТРПОЛИГРАФ®

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Ивонн Линдсей

ОСОБОЕ
УСЛОВИЕ

009

 HARLEQUIN®

Содлази

Ивонн Линдсей
Особое условие
Серия «Соблазн – Harlequin», книга 9

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4994914

Линдсей Ивонн Особое условие: роман : ЗАО Издательство

Центрполиграф; Москва; 2013

ISBN 978-5-227-04060-2

Оригинал: YvonneLindsay, "THE PREGNANCY CONTRACT"

Перевод:

Г. В. Ежова

Аннотация

Пайпер Митчелл не была дома много лет. А когда наконец вернулась, узнала: ее отец умер, а все имущество и даже дом теперь принадлежат бывшему возлюбленному Пайпер – Вейду Коллинзу. И на что ей теперь жить? Вряд ли Вейд поможет вероломной подруге – ведь когда-то она бросила его...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	19
Глава 3	39
Глава 4	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Ивонн Линдсей

Особое условие

The Pregnancy Contract © 2011 by Dolce Vita Trust

«Особое условие» © ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2013

© Перевод и издание на русском языке, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2013

Глава 1

– Папа... умер?!

Вейд внимательно посмотрел на нее.

О, Пайпер была прекрасной актрисой! Непосвященные подумали бы, что она испытала шок, узнав о смерти отца. Но вряд ли ее горе было искренним. Если бы она действительно любила отца, то не слонялась бы восемь лет по всему свету, а ухаживала за ним.

Вейд старался не показывать, насколько сильно переживает потерю человека, который был для него старшим наставником и лучшим другом. Он мог бы разделить свое горе с его дочерью, но слишком хорошо знал Пайпер Митчелл...

– Да, четыре дня назад. А вот эти люди... – он жестом указал на толпу, собравшуюся в холле нижнего этажа, – пришли на поминки.

– Нет, не может быть... Ты лжешь. – Пайпер судорожно выдохнула. – Ты точно лжешь!

– Я не стал бы утруждать себя ложью.

Смысл его слов стал постепенно доходить до ее сознания. Вейд уловил момент, когда реальность, наконец, обрушилась на Пайпер. Ее загорелое лицо, пышущее здоровьем, мгновенно стало серым. Зрачки расширились, и от этого сверкающие голубые глаза в одну секунду потухли.

Пошатнувшись, она отступила назад, и Вейд инстинктив-

но подхватил ее, иначе она упала бы на мраморные ступеньки.

Вскинув голову, Пайпер отдернула свою руку.

– Я... чувствую себя не очень хорошо. – Голос ее сорвался. Закрыв глаза, она стала медленно оседать.

Выругавшись про себя, Вейд подхватил ее на руки и внес в дом.

– Мистер Коллинз, все в порядке? – Декстер, управляющий, поспешно вышел из зала, где были накрыты столы с закусками и напитками.

– Это мисс Митчелл, она упала в обморок, когда услышала известие о смерти своего отца, – процедил Вейд сквозь зубы.

– Вызвать доктора? – встревожился Декстер.

– Нет, в этом нет необходимости. Посмотрим, как она будет чувствовать себя, когда очнется. В каком состоянии находится ее комната?

– Комната в полном порядке. Мистер Митчелл выражал пожелания, чтобы комната мисс Пайпер всегда была готова к ее приему, сэр.

– Тогда я отнесу ее наверх. – Вейд кивнул на дорожный рюкзак, который Пайпер уронила на входе. – Ты можешь принести эти вещи?

– Конечно, сэр.

Вейд поднялся по широкой лестнице, неся дочь своего умершего босса. Несмотря на свой рост, она оказалась до-

вольно легкой. И когда Вейд уложил ее на застеленную покрывалом с оборками кровать, он увидел, какая она худенькая и хрупкая, особенно в этих джинсах и широком свитере.

– Может быть, мне позвать миссис Декстер, чтобы та посмотрела за ней? – тихо спросил Декстер, поставив на полированный деревянный пол запачканный рюкзак Пайпер.

– Да, позови, – сказал Вейд, пытаясь уловить хотя бы малейшие признаки сознания в неподвижном теле, лежавшем на кровати. Сам он больше не хотел притрагиваться к ней. – Так будет лучше.

«Почему именно сейчас? – думал он. – Почему именно сейчас она вернулась?»

Встав возле кровати, он смотрел, как поднимается и опускается ее грудь под поношенным свитером. Вейд покачал головой. Он знал, что она растратила свое состояние за эти восемь лет.

«На что она потратила эти деньги, черт возьми? Явно не на одежду», – подумал он.

В спальне появилась экономка и по совместительству повариха, доставшаяся Вейду вместе с Декстером, когда он два года назад купил этот дом у Рекса Митчелла.

– Боже мой, милочка, что вы с собой сделали? – пробормотала миссис Декстер, приложив руку ко лбу Пайпер. – А где ваши прекрасные волосы? Что это такое?

– Это называется дреды – африканские косички, – сухо сказал Вейд, насмешливо скривив губы.

Пайпер, появившаяся на пороге его дома, походила на беженку из какой-то развивающейся страны. Наконец-то она захотела, чтобы к ней проявили внимание! Но разве это должно было его удивлять? Однако в глубине души Вейда теплилась надежда, что она все-таки изменилась. Но нет! В своей типичной манере девушка еще раз показала всем: на свете существует только одна личность, которую она любит и о которой заботится, – это сама Пайпер. И ничто не может помешать ей наслаждаться жизнью. Даже ее умерший отец.

Даже ребенок, которого она могла родить...

В дверях комнаты снова возник Декстер:

– Мистер Коллинз, ваши гости...

– Спасибо, Декстер. Я сейчас иду.

Вейд вернулся к гостям, собравшимся помянуть человека, который так много сделал для Вейда. Помог ему выбраться из нищеты и из той опасной среды, в которой прошло его детство, и даже преуспеть в жизни. Рекс Митчелл порой бывал очень жестким и вспыльчивым, но он обладал добрым сердцем и верил: упорный труд обязательно будет вознагражден. И он любил свою дочь, которая отплатила ему за любовь тем, что ушла из дому, даже не оглянувшись. Конечно, Рекс пытался контролировать Пайпер, но она была слишком упрямой и своенравной девочкой. Ей требовалась твердая рука.

Вейд присоединился к людям, собравшимся в большой столовой величественного дома, который был не только ча-

стью истории Окленда, но и истории семьи, жившей в его стенах. Он раскланивался с гостями, принимал выражения соболезнования, выслушивал рассказы, вызывавшие горькие улыбки на лицах всех присутствовавших.

В конце концов поминки закончились, и он остался один. Все разошлись, кроме Декстеров, собиравших грязную посуду, и Пайпер, остававшейся наверху.

* * *

Пройдя через холл, он вошел в библиотеку и направился прямо к буфету. Коньяк довольно забулькал в горлышке, красиво заиграл в стакане, вспыхивая янтарными отблесками. Это был их приятный совместный вечерний ритуал возле камина – пока болезнь Рекса не приковала его к постели.

Вейд, усевшись на стул с витой спинкой, поднял стакан в молчаливом тосте – и взглянул в сторону пустого кресла напротив.

– Похоже, тебе не терпится прикончить коньяк отца.

Вейд напрягся, услышав голос Пайпер, но не доставил ей удовольствия, показав, насколько глубоко затронули его эти слова. Она лучше, чем кто-либо другой, знала об его отношении к алкоголю.

– Хочешь присоединиться? – неспешно вымолвил он в ответ, не потрудившись даже повернуть голову.

– Конечно! Почему бы и нет?

Он услышал, как Пайпер налила себе, а затем прошла по ковру, покрывавшему пол. Устало вздохнув, она опустилась в кресло, где прежде сидел ее отец. Ноздри Вейда защекотал свежий запах мыла и легкий аромат туалетной воды. Он искоса взглянул на Пайпер. Она приняла душ и переоделась в чистые джинсы и тонкий вязаный свитер. Под ним угадывались очертания ее тоненькой фигурки. Пайпер похудела, даже лицо у нее осунулось. Теперь она совершенно не была похожа на ту девушку, которая восемь лет назад отняла у Вейда сердце и растоптала его своими каблучками.

– Не могу поверить, что его уже нет, – тихо сказала она.

Вейд понимал ее. Он и сам во многое не мог поверить: и в то, что Рекс передал ему бизнес два года назад, и в то, что продал ему дом, лишь бы он не попал после его смерти в руки торговцев недвижимостью.

– Да, его уже нет на свете.

– Я даже подумать не могла, что он когда-нибудь умрет...

– Он тоже не думал об этом. Сейчас успешно лечат рак.

– Рак? А разве он умер не от сердечного приступа?..

– Почему ты так решила?

Пайпер пожала плечами:

– Я даже не знала, что он болен. Просто предположила, что это сердце. Он всегда так много работал...

Вейд увидел, как глаза ее наполнились слезами. Он не одобрял решения Рекса не сообщать дочери о своей болезни в те редкие моменты, когда Пайпер звонила ему. В послед-

ние месяцы это упрямство было единственным яблоком раздора между ними. Рекс боялся, что дочери будет очень тяжело, когда она узнает о его болезни. Он старался не волновать ее. Но Пайпер была единственной радостью жизни Рекса, и Вейд считал: Рекс заслуживал того, чтобы дочь была рядом с ним в его последние дни.

И наплевать, черт возьми, тяжело ей было бы или нет!

– Я вернулась бы домой раньше, если б знала...

– Может быть, именно поэтому он тебе и не сообщил, – возразил Вейд.

От этих слов ему стало особенно горько. Она не сказала о том, что хотела бы провести с отцом последние годы его жизни. Наверняка думала «задобрить» Вейда, сказав, что хотела бы приехать до смерти отца.

Пайпер вспыхнула, услышав его слова. Слезы ее моментально высохли, в глазах сверкнул гнев.

– Что ты хочешь этим сказать?! – воскликнула она.

– Только то, что уже сказал. Ты знаешь своего отца. Он ждал твоего возвращения домой. Ждал каждый день с тех пор, как ты уехала. Но я думаю, в глубине души он хотел, чтобы ты приехала домой по велению сердца, а не из чувства долга.

– То есть ты хочешь сказать, что я снова расстроила его? – Слова ее были воинственными, так же как и выражение лица.

– Не надо приписывать мне то, чего я не говорил, Пайпер. – Раздраженно вздохнув, Вейд перевел взгляд на ка-

мин. — Кроме всего прочего, Рекс хотел уберечь тебя от большого и грозного мира. В том числе и от своей болезни. Он не хотел, чтобы ты знала, через что ему пришлось пройти. Но теперь это не имеет большого значения, не правда ли?

— Отец был всегда недоволен мною, — с горечью сказала Пайпер и сделала глоток коньяка. — И давай считать это само собой разумеющимся. А ты так и остался все тем же золотым парнем.

Пайпер подавила в себе желание накричать на Вейда или любым другим способом спровоцировать его гнев. Так или иначе, у них в этом деле был большой опыт, особенно когда они оставались вдвоем. Страсти накалялись, эмоции переливались через край.

Ругань и ссоры Пайпер еще могла перенести. Но смерть отца... Сама мысль о том, что она больше никогда не увидит его, убивала ее. Теперь она никогда не услышит громкий голос, эхом раздававшийся по всему дому, в котором на протяжении многих веков жили их предки. Никогда не почувствует тепло его рук, прижимающих ее к своей крепкой груди.

Она никогда не расскажет ему о тех стрессах, которые пришлось пережить с тех пор, как ей исполнилось четырнадцать лет, — именно тогда она почувствовала власть своей женственности. Да, отец очень горевал о том, что она уехала за тридевять земель, как только ей исполнилось двадцать лет. Но Пайпер прекрасно понимала: печаль его была сме-

шана с облегчением. Ведь отцу больше не приходилось стлаться с ее порой шокирующим поведением.

Поставив стакан на маленький столик, Пайпер устроилась поудобнее, забравшись в кресло с ногами и обхватив колени.

Почему отец так тщательно скрывал от нее свою болезнь? Она имела право знать! Когда она разговаривала с ним в последний раз? Три месяца назад? Он должен был ей сказать!

Укол ревности пронзил Пайпер. Отец делился всем с Вейдом. Они стали близки с тех пор, как Рекс взял Вейда в качестве стажера в свою экспортную компанию. Вейд быстро стал для Рекса сыном, которого у того никогда не было.

Пайпер завидовала их близости и делала все возможное, чтобы разрушить ее. Однако, несмотря на отчаянные попытки, ей это не удавалось. Тем не менее она постоянно причиняла боль двум мужчинам, которых любила больше всех на свете.

Взглянув на Вейда, сидевшего напротив, она почувствовала знакомый всплеск желания. Лицо его было хмурым, но, несмотря на это, он по-прежнему мог заставить ее сердце биться чаще, а нервы – звенеть как струна. Он явно повзрослел с тех пор, как она уехала. Лицо его стало более серьезным, а подбородок – более волевым. Под строгим деловым костюмом угадывалось сильное, накачанное тело. Упорный труд и высокое качество жизни явно шли Вейду на пользу.

Взглянув на его левую руку, Пайпер не обнаружила обручального кольца. И тут же отругала себя за это. Он ясно дал

ей понять, как мало интересуется ею.

Она неправильно вела себя с Вейдом. Она любила его, но позволила себе стать слишком эгоистичной и требовательной, желающей получить от него то, что он не готов был ей дать. Она заставляла его сделать выбор между ней и отцом. Теперь Пайпер горько сожалела об этом.

– Прости, – сказала она. – Я знаю, как много отец значил для тебя, какими близкими людьми вы были. Тебе, должно быть, пришлось очень нелегко.

Вейд взглянул на нее с нескрываемым удивлением:

– Спасибо.

В уголках его серых глаз проявились тонкие морщинки, которых прежде не было. Он вдруг показался ей очень усталым.

– Отец страдал?

Вейд отрицательно качнул головой:

– Только оттого, что не мог заниматься тем, чем ему хотелось. Он находился под контролем врачей. Они проделали большую и трудную работу. Твой отец оставался здесь, в этом доме, до самого конца. Мы привезли сюда больничную кровать, и возле него круглосуточно дежурила сиделка.

– Спасибо за то, что ты был рядом с ним.

– Он очень много сделал для меня. Да и где я еще мог находиться?

Это прозвучало как укор. Напоминание о том, что ее-то как раз здесь и не было.

Пайпер инстинктивно пыталась оправдать свое поведение. Но теперь все осталось в прошлом. И пусть она не может ничего вернуть назад, ей под силу заново начать свою жизнь – прямо здесь и сейчас.

– Я очень благодарна тебе за то, что ты был здесь. Для отца это много значило. Он всегда уважал тебя.

– Наши чувства были взаимными.

– Так что же будет теперь с его компанией?

– Не понимаю, о чем ты? – На лице Вейда отразилось удивление.

– Ну, ведь отца теперь нет, и компания осталась без руководителя.

– Все будет в порядке. Мы с Рексом составили план управления еще до того, как узнали... о его болезни. Полтора года назад я стал руководить компанией.

– Правда? – Пайпер была явно удивлена. – Папа так рано оставил бразды правления?

– Обстоятельства вынудили Рекса сделать это. Ему пришлось пройти долгий курс лечения – как здесь, так и за границей, – и это отнимало у него последние силы. Но он ко всему проявлял пристальный интерес – почти до самой смерти. Ты знаешь, каким был Рекс...

А где она находилась полтора года назад? В Сомали? Нет, в Кении. Пайпер работала там волонтером в женской клинике. После этого помогала жертвам наводнения в Азии, а затем отправилась в страну, где произошло крупное землетря-

сение. Она была везде, но только не там, где ей действительно надо было быть.

Пайпер вдруг почувствовала себя совершенно разбитой, и ей страшно захотелось спать. Опустив голову, она с трудом подавила зевок.

– Устала? – спросил Вейд.

– Да, я провела в дороге тридцать шесть часов. Боюсь, мой организм еще не адаптировался к смене часовых поясов.

– Может быть, пойдешь в свою комнату? Я велю миссис Декстер принести тебе что-нибудь поесть, если ты голодна.

Несмотря на все свои благие намерения, Пайпер разозлилась. Это был ее дом, так почему же Вейд ведет себя здесь как радушный хозяин? Ведь не он, а она должна быть здесь хозяйкой, под крышей дома ее отца! Напомнив себе о том, что она решила быть умной и благоразумной, Пайпер сдержала резкие слова, готовые сорваться с языка. Вместо этого она, опустив ноги на пол, поднялась с кресла:

– Не тревожь Дикси. Я что-нибудь сама найду на кухне.

Она медленно потянулась, расправляя затекшие мышцы. И внезапно застыла, почувствовав на себе взгляд Вейда. Долго подавляемое, но хорошо знакомое ощущение желания возникло где-то глубоко внутри, и жаркие волны, зародившиеся внизу живота, стали медленно распространяться по всему телу. Пайпер снова сглотнула комок, застрявший в горле.

Это старое влечение все еще живо. Такое же сильное, как

всегда. Чувствовал ли Вейд то же самое? Их взгляды встретились. Его серые глаза были такими же холодными, как и пару часов назад, когда он встретил ее на пороге дома.

Оскорбленная этим явным отвержением, Пайпер призвала на помощь свою гордость и протянула ему руку:

– Спасибо за все, что ты сделал сегодня.

Вейд стоял, возвышаясь над ней. Он пожал ее руку:

– Я сделал это для Рекса.

– Я знаю это и поэтому очень ценю. Действительно.

Вейд отпустил руку Пайпер, будто не желал задерживать ее даже на секунду дольше, чем необходимо. У Пайпер возникло ощущение, что ему неприятно прикасаться к ней.

– Ну, – сказала она, набираясь мужества. – Позволь мне попроситься с тобой, потому что я хочу лечь пораньше. Наверняка завтра мне придется разбираться с наследственными вопросами. – Но когда Вейд не пошевелился, она удивленно взглянула на него: – Ты что-то еще хочешь обсудить со мной?

Слабая улыбка, совсем не радостная, появилась на его красивом лице.

– Нет, – ответил он. – Желаю тебе спокойной ночи.

Она смотрела ему вслед – как он вышел из комнаты, но затем направился не в холл, из которого мог выйти из дома, а наверх, по винтовой лестнице.

– Куда ты пошел? – спросила она вдогонку.

– В свою комнату.

– В твою комнату?..

Ответ его был коротким и вежливым:

– Я здесь живу.

– Послушай, я очень благодарна тебе за то, что ты оставался здесь вместе с моим отцом, но теперь в этом нет необходимости. И я буду очень признательна, если ты оставишь меня одну. Мне надо побыть в одиночестве, чтобы все осознать.

– Нет проблем. Ты можешь оставаться здесь столько, сколько пожелаешь.

Она опешила:

– Что ты сказал?..

– Ты прекрасно слышала меня, Пайпер. Уверен, ты не совсем тупая, несмотря на свою внешность.

– Как ты смеешь со мной так говорить?!

Черт возьми! С нее достаточно! Сегодня и так уже было много переживаний. Она узнала о смерти своего отца и увидела Вейда после долгих лет разлуки. И теперь не намерена стоять здесь и слушать, как он оскорбляет ее!

– Послушай! – выпалила Пайпер. – У нас с тобой были достаточно непростые отношения, чтобы сейчас ты мог остаться здесь и переночевать.

– Возможно. – Вейд пожал плечами. – Но я думаю, ты не поняла моих слов, когда я сказал, что живу здесь. Пайпер, теперь я – владелец этого дома. А ты – моя гостья.

Глава 2

Вейд – владелец этого дома?! Как это могло произойти?

Дом был построен ее предками в середине девятнадцатого века. И в нем жили многие поколения семьи. Может быть, Вейд обманным путем завладел этим домом, когда отец был уже тяжело болен?

Сквозь вихрь ее мыслей ворвался его голос:

– Послушай, сейчас не лучшее время обсуждать этот вопрос. Давай поговорим об этом завтра.

– Нет, не завтра, черт возьми! Мы обсудим это прямо сейчас.

– Если ты настаиваешь, пожалуйста. – Вейд жестом пригласил ее пройти обратно в библиотеку.

Ощущая напряжение во всем своем теле, Пайпер направилась следом за ним. Она уселась на то же кресло, на котором только что сидела, и взглянула на Вейда, который держал себя вполне непринужденно, в отличие от нее.

– Так скажи мне, каким образом ты стал владельцем этого дома, когда отец мой был еще... был еще...

Вейд прервал ее:

– Не надо разыгрывать мелодраму, Пайпер. Это не поможет. Мы с твоим отцом заключили финансовое соглашение еще в самом начале его болезни. Местные доктора не смогли ему помочь, и он решил лечиться за границей.

– Какое соглашение? – потребовала ответа Пайпер. – И зачем ему вообще понадобилось заключать с тобой какое-то соглашение? В нашей семье всегда были деньги.

– Слово «были» здесь ключевое, – кивнул Вейд, взглянув ей прямо в глаза.

– Что? Ты обвиняешь меня? У меня есть собственный траст-фонд. И я никогда не покушалась на деньги своего отца.

Губы Вейда сжались в узкую линию, мускул дрогнул на его щеке. Подняв руку, он поворошил свои короткие волосы, и они пришли в восхитительный беспорядок. Несмотря на свой гнев, Пайпер вдруг почувствовала острое желание прикоснуться к ним и проверить, такие же они шелковистые на ощупь, какими были много лет назад...

Крепко сжав пальцы в кулак, она подавила в себе это желание. Сейчас не время думать ни о каких прикосновениях.

– Речь идет не только о тебе, Пайпер. Когда успокоишься, ты поймешь: на тот момент мы приняли правильное решение.

– На тот момент? Объясни, пожалуйста!

– Рекс всеми силами старался побороть свою болезнь, даже когда врачи сказали ему о том, что он безнадежен. Но Рекс решил бороться до конца, невзирая на стоимость лечения, а стоимость оказалась очень высока. Я не знаю, в каком оазисе ты пребывала последние восемь лет, но здесь разразился глобальный кризис. И у нашего бизнеса возникли

большие проблемы – как и у всех. Но нам удалось выстоять. Рекс использовал свои сбережения, которые ему удалось накопить в удачный период, чтобы поддержать компанию.

– А ты не использовал свои капиталы? – многозначительно спросила она.

– Он мне не разрешил. Компания «Митчелл экспорт» была его детищем, ты знаешь об этом.

Возможно, она знала об этом лучше, чем кто-либо другой. Она также знала о том, что Рекс был предан своему бизнесу больше, чем ей, собственной дочери...

– Значит, отцу понадобились деньги на лечение?

– Да, и он не хотел брать денег у меня, хотя я предлагал ему, причем без всякой отдачи. Однако он решил заключить со мной соглашение о займе и оформить этот дом на мое имя.

– Но этот дом стоит миллионы долларов!

– Твой отец хотел жить, Пайпер. Он был готов заплатить любые деньги, лишь бы побороть свою болезнь. На тот момент он не верил, что умрет.

– И он знал, что ты любишь этот дом и будешь заботиться о нем.

Вейд медленно кивнул:

– Это было самое верное решение. Твоему отцу казалась невыносимой сама мысль о том, что дом могут выставить на аукцион по распродаже недвижимости, если его лечение окажется неудачным. Когда он узнал о том, что умрет, он оформ-

мил на меня этот дом, с правом проживания его самого до самой смерти. Я не стал спорить с его решением.

Пайпер почувствовала, что из глаз ее сейчас хлынут слезы. То, что сейчас сказал Вейд, было вполне правдоподобным. Она знала – отец полностью доверял Вейду. И еще она знала: у Вейда было трудное детство, и он хотел доказать всем, что сам он гораздо лучше, чем его родители. И если у него появился шанс продемонстрировать свои дружеские чувства к Рексу, то, конечно, он воспользовался им.

Но, даже понимая это, Пайпер не могла избавиться от тоскливого, тяжелого ощущения потери. Отец отдал все свое имущество не ей!

Если бы она смогла доказать отцу: она совсем не хуже сына, о котором он так мечтал! Если бы она осталась с ним в тяжелый период, а не сбежала из дому, не добившись своего! Тогда, может быть, она смогла бы помочь папе. Но она уехала за море, и стала жить там, и даже не звонила ему – пока у нее не кончались деньги и ей снова не приходилось обращаться к своему трастовому фонду. Поэтому неудивительно, что отец нашел более подходящего наследника и передал ему не только свой бизнес, но и свой дом.

Пайпер прекрасно все понимала, но от этого ей не стало легче. У нее не было другого дома, а теперь она не могла называть и этот дом своим. Ощущение безнадежности охватило ее. Ей двадцать восемь лет, у нее нет ни постоянного жилья, ни работы, ни вообще каких-либо перспектив. Конечно,

у нее все еще есть ее трастовый фонд, но она не хотела использовать его без крайней необходимости. И что же ей делать?

– Я имел в виду то, о чем уже говорил, Пайпер. – Голос Вейда внезапно ворвался в ее мучительные мысли. – Рекс просил меня позаботиться о тебе. И ты можешь жить здесь столько, сколько тебе будет нужно.

Столько, сколько будет нужно? Откуда она знает, сколько ей будет нужно? Она вернулась назад, в Новую Зеландию – к себе домой! – чтобы восстановить те отношения, которые так грубо разрушила своим эгоистичным поведением. За последние четыре года, когда Пайпер в качестве волонтера помогала бедствующим и страдающим людям в самых разных странах мира, у нее словно открылись глаза. Она поняла, какой пустой была ее жизнь и в каком долгу находится перед теми, кто был частью этой жизни. Перед теми, кто пытался подарить ей любовь и ощущение надежности, которых ей так всегда недоставало. Перед теми, кого она бросила – лишь потому, что они не любили ее так, как ей того хотелось. Она даже не замечала, что сама причиняет им боль.

– Спасибо, – тихо сказала она.

Что еще она могла сказать? Теперь она зависела от его милости. Он имел полное право выгнать ее из дому.

– Если тебе больше ничего не нужно, то позволь пожелать тебе спокойной ночи, – ответил Вейд.

Поднявшись, он направился к выходу, но возле двери по-

медлил, будто хотел что-то сказать. Затем, едва заметно наклонив голову, вышел в холл.

Пайпер неслышно ступала босыми ногами по потертой ковровой дорожке, покрывавшей полированный деревянный пол. Задержалась возле той комнаты, где отец провел последние дни. Что она может увидеть там, кроме больничной кровати и медицинского оборудования?

Неудивительно, что отец выбрал эту комнату – ее особенно любила мама. Мама... Пайпер помнила лишь теплые руки, обнимавшие ее, и сладкие поцелуи, осыпавшие ее щеки. Порой в детстве она приходила сюда и, уютно свернувшись в кресле, крепко закрывала глаза, пытаясь представить себе женщину, родившую ее. Но сколько бы Пайпер ни старалась, она ничего не могла вспомнить – кроме этих объятий и поцелуев.

Рука ее задержалась перед бронзовой ручкой двери, но затем, набравшись решимости, Пайпер сжала пальцами прохладный металл и открыла дверь. Перед ней предстала комната, которую она не видела столько лет!

Здесь ничего не изменилось.

Шезлонг по-прежнему стоял перед застекленной дверью, выходившей на круговую веранду. Журнальные столики и комфортная мебель, которую она помнила с детства, были на месте.

Пайпер понюхала воздух. Нет никакого запаха больницы,

или болезни, или смерти. Такое ощущение, что отца здесь никогда и не было...

Комок подступил к горлу, когда она, отступив назад, закрыла за собой дверь. Ей так отчаянно хотелось ощутить какую-нибудь связь с отцом! Хотелось найти доказательство того, что, несмотря на все, он все-таки любил ее.

Из кухни слышался шум льющейся воды и звон тарелок – Декстер с женой до сих пор мыли посуду после поминок. У них сегодня выдался тяжелый день. Наверное, ей надо пойти и помочь? Но потребность остаться наедине со своими мыслями оказалась сильнее.

Повернувшись, Пайпер направилась через холл к лестнице, ведущей на второй этаж, где располагались спальни.

Спальня Рекса находилась в другом конце дома. Пайпер было три года, когда умерла ее мать, и отец нанял няню, поселившуюся в комнате рядом с девочкой. Но отец много лет держался от дочки на расстоянии – физическом, эмоциональном, социальном. И только когда Пайпер стала приносить отличные оценки из школы и похвальные грамоты, он стал замечать ее существование. И она стремилась к новым достижениям – лишь бы получить одобрение отца. Увы, похвалы его были очень короткими и редкими, потому что отец все время работал. Пайпер же хотела, чтобы отец увидел ее ум, ее способности, чтобы признал: когда-нибудь она сможет работать с ним в семейном бизнесе как партнер. Как сын, о котором он мечтал, но которого у него не было...

Но отец почти не замечал ее успехов в учебе. И тогда Пайпер стала той, какой была теперь, – избалованной, вздорной наследницей. Эта роль, которую она так успешно играла, стала ее второй натурой.

Пайпер прошла мимо своей комнаты и отправилась на половину отца. Дверь, ведущая в другое крыло дома, была открыта. Она вступила во владения отца. Комната его была аккуратно прибрана – отец любил порядок. Пайпер увидела его вещи – любимые книги, сладости в вазочке, стоявшей на прикроватном столике.

Открыв шкаф, Пайпер почувствовала запах одеколона, которым часто пользовался отец. Увидев вельветовый халат, висевший на крючке на обратной стороне дверцы, она уткнулась в него лицом и глубоко вдохнула его запах.

– С тобой все в порядке?

Резко повернувшись, Пайпер увидела Вейда, стоявшего в дверном проеме. На фоне яркого света, лившегося из коридора, лица было не разглядеть. Кажется, он собирался раздеваться. Пиджака и галстука на нем уже не было, пуговицы на рубашке наполовину расстегнуты...

Мучительное желание вспыхнуло в ней, словно огонь. Смущенная, Пайпер слегка качнула головой, стараясь избавиться от чувств, которые затуманили ей разум.

– Со мной... все в порядке. Только... – Она не могла найти слов. – Я очень тоскую о нем. Почему он не позвал меня, чтобы я могла с ним... попрощаться?..

Вейд переступил с ноги на ногу, стоя в дверях.

– Он хотел остаться в твоей памяти здоровым и крепким, а не больным и умирающим.

– Папа думал, я никогда не приеду?

Вейд покачал головой:

– Нет, он ждал тебя всегда.

Свет из коридора просачивался в комнату, окружая Пайпер золотистым блеском. Она казалась такой хрупкой и уязвимой, с халатом отца в руках. Пайпер держала его так, будто это была единственная вещь, которая осталась у нее в этом мире. На самом деле так оно и было.

Вейд видел: ей очень тяжело, она не могла примириться с мыслью о том, что отца ее уже нет в живых.

Он подавил в себе стремление утешить Пайпер, которое было таким же естественным, как и дыхание. Последние несколько дней он постоянно утешал друзей Рекса и его товарищей по работе. И если сейчас он станет утешать Пайпер, это будет последней каплей, которая переполнит чашу его терпения. Пайпер сама когда-то приняла роковое решение, которое он никогда ей не простит. Она решила оборвать жизнь, которую они вместе зачали и о которой он даже не подозревал. Вейд поклялся – она дорого заплатит за это!

Даже напомнив себе об этом, Вейд почувствовал, что руки его потянулись к Пайпер: дотронуться до нее, успокоить... Когда-то он очень любил эту женщину.

Сжав кулаки, Вейд засунул руки в карманы, чтобы не дать

им волю.

В день их последней и самой крупной ссоры, прежде чем уехать за океан, она дала ему ясно понять: ей ничего от него не нужно. Даже сейчас она вела себя с ним так, будто он был для нее чужим и ничего не значащим человеком.

Вейд привел свои мысли в порядок и напомнил себе: ее показная слабость – не более чем маска. Пайпер Митчелл могла справиться с любой ситуацией.

Вейд слегка покачал головой, чтобы прийти в себя. Ему требовалось время, чтобы справиться с ощущением горя, которое отнимало у него силы, превращало его в слабого человека и заставляло думать о Пайпер.

Он вынул одну руку из кармана и жестом указал на комнату:

– Мне надо убрать отсюда вещи твоего отца. Ты поможешь мне?

Она задумчиво кивнула. Этот жест был типичен для нее. Он означал: Пайпер слишком погружена в собственные мысли, чтобы обращать на кого-то внимание.

– Послушай, сегодня был тяжелый день, – продолжил он. – Может быть, ты пойдешь спать? С вещами твоего отца можно подождать.

– Хорошо, но не выбрасывай ничего без меня.

– Конечно, – сказал он, стараясь освободить свой голос от ноток сострадания. – Кстати, утром у меня встреча с нотариусом Рекса – он зачитает его завещание. Ты тоже приходи.

ди послушай. По правде сказать, содержание завещания мне уже известно, но ты, возможно, захочешь услышать то, что касается тебя.

Пайпер кивнула:

– Конечно, я приду.

Вейд отступил в сторону, чтобы пропустить ее. Но Пайпер, зацепившись ногой за край ковра, пошатнулась, и Вейд инстинктивно поддержал ее – точно так же, как сегодня утром. И снова она прижалась к нему, ища поддержки.

Она взглянула на него, и глаза ее были затуманены скорбью.

– Спасибо тебе. Наверное, мне надо бросать эту привычку падать, да?

– Неплохая идея, – согласился Вейд, хотя тело его мгновенно загорелось от ее близости.

Он взял ее за плечи. Было бы так просто разжечь эту старую искру и прикоснуться к ее губам. Влажные и соблазнительные, они уже приоткрылись, будто призывая его. Черные зрачки расширились настолько, что затмили собой цвет ее глаз.

Ее округлые упругие груди упирались ему в грудь, и тело его возродилось к жизни. Вейд молча отругал себя за то, что вновь оказался дураком. Его влечение к Пайпер должно было быть давным-давно подавлено. Он ощутил, как она напряглась и замерла в ответ на его явную физическую реакцию.

Руки его крепко сжались, а дыхание застыло в груди, когда он попытался подавить в себе своих демонов. Пайпер всегда была для него воплощением соблазна.

Вейду нестерпимо захотелось сорвать с нее эту поношенную одежду, обнажить восхитительное тело, погладить шелковистую нежную кожу, но вместо этого он осторожно отодвинул ее от себя. Вейд не мог допустить, чтобы страсть, хотя бы и на короткое время, затмила его разум.

Пайпер отступила еще дальше назад, все еще прижимая к груди халат отца.

– Значит, до завтра? – спросила она, и ее непринужденный голос прозвучал натянуто в напряженной атмосфере, образовавшейся между ними.

– До завтра? – не понял он.

– Когда утром придет нотариус? – уточнила Пайпер.

– Не очень рано. Поэтому нет необходимости торопиться.

– Хорошо. Тогда увидимся за завтраком.

Она проскользнула мимо него и направилась через холл в свою комнату. Он смотрел ей вслед: грациозная походка, плавное покачивание бедер...

Говорят, что месть – это блюдо, которое лучше всего подавать холодным, но Вейд предпочитал горячее. Горячее, дымящееся, сексуальное и полностью удовлетворяющее его во всех отношениях.

Он восстановит свою поруганную честь и, когда настанет время, насладится каждым моментом.

Оказавшись в своей комнате, Пайпер опустилась на кровать и прикоснулась пальцами к губам. Она была уверена, что Вейд поцелует ее. Огонь в его глазах был таким ярким... В ней вновь вспыхнули чувства и желания, которые она не испытывала очень давно.

Что заставило его остановиться?

Кожа ее до сих пор горела. Нервы были натянуты, как тетива на луке. Встав с кровати, Пайпер стала расхаживать по комнате, неожиданно почувствовав в себе энергию, которая настойчиво требовала разрядки.

Кого она обманывала? Она прекрасно знала, какая разрядка была ей нужна. И с кем. Но этого не произойдет. Она не сомневалась в том, что им будет хорошо сейчас, – как и тогда, – но не могла позволить себе вновь встать на этот путь. Он неминуемо закончится нарушенными обещаниями и разбитыми сердцами.

А Пайпер хотела исправить прежние ошибки и доказать себе, что она стала другим человеком. Не эгоистическим созданием, добивающимся исполнения любой своей прихоти, а человеком, который приносит пользу людям и миру.

Как больно, что она уже не могла доказать это своему отцу!

Пайпер покачала головой. Да, ее прошлое поведение можно назвать постыдным. Но она изменилась и собиралась меняться дальше. И в первую очередь надо восстановиться в

университете и окончить его.

Но сначала ей надо решить вопросы с наследством отца.

Ее разбудили лучи солнца, проникшие сквозь окно. К своему удивлению, Пайпер обнаружила – ее щеки и подушка мокры от слез. Ей снился отец, по-прежнему живой...

Перевернувшись на другой бок, она потянулась, затем встала и, накинув на себя отцовский халат, направилась в ванную комнату.

Открыв кран, Пайпер стала смотреть, как вода наполняет старинную – глубокую, на ножках в виде львиных лап – ванну. Неожиданно ее охватило ощущение небывалого удовольствия. Несмотря ни на что, это такое счастье – вновь находиться дома!

Скинув халат, она погрузилась в почти уже наполненную ванну. Ей казалось, что она уже не сможет наслаждаться теплом – после той жары, которую ей пришлось перенести в Африке. Но сейчас, после смерти отца мир казался ей таким холодным... И Пайпер наслаждалась теплой и мягкой водой.

Закрыв глаза, она задумалась. Где она будет жить, чем зарабатывать на жизнь? У нее были деньги, оставленные ей в наследство матерью. Владела она и трастовым фондом, получив право пользоваться им, когда ей исполнилось восемнадцать лет. По подсчетам Пайпер, у нее еще должно оставаться достаточно денег, чтобы встать на ноги. И конечно, на то, чтобы закончить учебу в университете, который она

бросила перед тем, как сбежать...

Пайпер поморщилась. Слово «сбежать» звучало как-то инфантильно. Но ведь она действительно была испорченным и избалованным ребенком. Сердце ее сжалось от боли. Если бы отец ее был жив! Может быть, он в конце концов понял бы, кто она, на что способна, и стал бы гордиться ею?

Вытащив пробку из ванны, Пайпер поднялась, вытерлась и направилась в свою спальню. Открыв шкаф, она слегка нахмурилась, не обнаружив там своей одежды, которую привезла с собой. Возможно, миссис Декстер забрала ее, чтобы постирать? Интересно, что подумала экономка о ее гардеробе, состоявшем из залатанных джинсов и выцветших футболок, годившихся разве что на тряпки для уборки.

Повернувшись, Пайпер взглянула на себя в зеркало. За последние годы она сильно похудела. Тяжелая работа и скудное питание сделали свое дело. Пайпер направилась к своему старому шкафу, чтобы найти какую-нибудь одежду.

Ощущение дежавю охватило Пайпер, когда она открыла дверцы шкафа. Там висела ее старая одежда, которую она когда-то оставила здесь. Судя по биркам из химчистки, вещи недавно были приведены в порядок. Но почему, если никто не знал, когда она вернется домой?

Пайпер выбрала наименее легкомысленный наряд – серые брюки и жакет того же цвета. Восемь лет назад этот жакет плотно облегал ее фигуру, поэтому его можно было носить без рубашки, но сейчас – точно нельзя. Порывшись в шкафу,

Пайпер нашла белую блузку и надела ее.

Оглядев себя в зеркале, она решила, что выглядит вполне прилично, – за исключением волос. Взяв шелковый полосатый черно-белый шарф, она затянула свои африканские косички, завязав их в конский хвост, и одобрительно кивнула. Теперь она может встретиться с нотариусом.

Вейда не было ни на кухне, ни в столовой.

– Вы ищете мистера Коллинза? – с улыбкой спросила ее миссис Декстер, поставив перед Пайпер чашку ароматного чая, когда та уселась на свое старое место за кухонным столом.

– Да, у нас сегодня назначена встреча с нотариусом.

– Он рано уехал на работу. Какие-то проблемы. Сказал, что пришлет за вами машину, если не сможет вернуться к назначенному времени, чтобы вас отвезли к мистеру Чедвику.

– О, спасибо. Дикси, скажите, пожалуйста, куда исчезла одежда, которую я привезла с собой?

– Ах, одежда! – Миссис Декстер наморщила нос на розовощеком лице. – Я отдала ее Декстеру, чтобы он ее сжег. Ваш отец не одобрил бы такую одежду, как эта.

Пайпер едва сдержала себя, чуть не ляпнув: мол, ее отец не имел права диктовать ей, как одеваться!

– Кроме того, – продолжала пожилая женщина, – в вашем гардеробе есть множество превосходных вещей. И я так ра-

да видеть вас в этом костюме! Вы выглядите прекрасно, за исключением прически...

Пайпер криво улыбнулась:

– Вам не нравится?

– Гм... Мистер Митчелл терпеть не мог таких вещей.

Улыбка Пайпер померкла. Да, отец вряд ли бы понял необходимость такой прически в тех условиях, в которых ей приходилось жить. Теперь, вернувшись домой, она придумает себе что-нибудь другое.

Встреча с нотариусом оказалась для нее тяжелым испытанием.

Пайпер сидела за большим полированным столом напротив пожилого мужчины, лицо которого было не только серьезным, но даже скорбным.

Я не понимаю, о чем вы говорите! У меня нет денег! – потрясенно воскликнула она. – Когда я уезжала, в моем трастовом фонде было достаточно накоплений. Фонд стал успешно функционировать после смерти моей матери, и сумма значительно выросла. И теперь, как вы говорите, я не могу воспользоваться им?

– Нет, мисс Митчелл, не можете. Ведь вы сами не очень разумно использовали деньги и никуда не вкладывали их, не так ли?

Кажется, ей суждено получать удары с самого первого момента, как только она приехала домой: сначала – от Вейда,

потом – от Дикси, которая выразила ей свое неодобрение, и теперь – от нотариуса.

– Но где же они?

– Они?..

– Деньги, – пояснила Пайпер, еле сдерживая гнев.

– Ваш отец, как доверительный собственник, использовал деньги очень разумно. Вы знаете об этом. Много лет он успешно вкладывал капитал в различные предприятия, но разразился экономический кризис, и вы потеряли огромные суммы.

Пайпер покачала головой. Она не могла поверить в это. Отец ее всегда был таким осторожным и расчетливым.

– Значит, у меня ничего нет? А имущество моего отца?

– Ваш отец потратил все свои деньги на лечение. И у него почти ничего не осталось.

Все, что говорил ей вчера Вейд, оказалось правдой!

– Должен сказать, мистер Коллинз поступил очень великодушно, – продолжал мистер Чедвик, совершенно не подозревая о том, какие чувства испытывает Пайпер. – Когда мистер Коллинз понял, в какую тяжелую ситуацию попал ваш отец, он оказал ему неоценимую поддержку. Ваш отец верил в то, что вам хватит денег до конца жизни благодаря вашему трастовому фонду. И никто не мог предвидеть, что случится такая беда – глобальный финансовый кризис.

Пайпер обессиленно откинулась на спинку стула. Никогда в жизни она не чувствовала себя так ужасно.

– Есть еще одна вещь, – осторожно произнес нотариус, и от этих слов холодок пробежал по ее спине. Было нечто в его тоне, говорившее ей: сейчас она услышит самое худшее.

– Слушаю вас.

– Мистер Коллинз позаботился о делах вашего отца и вложил свои личные деньги в траст-фонд, когда догадался о критической ситуации.

– И сколько денег он вложил?

Нотариус назвал сумму, от которой у Пайпер закружилась голова.

Значит, деньги, которые она тратила на финансовую поддержку школ и больниц, на еду и одежду для бедных, на поддержку сельского хозяйства в тех странах, где она побывала за последние четыре года, принадлежали Вейду?

– Но на каких же условиях он вложил свои деньги? – спросила она.

– Конечно, мистер Коллинз имеет право в любое время забрать свой капитал вместе с процентами. Но он никогда не требовал ни выплаты основной суммы, ни выплаты процентов. – Пайпер была смущена: разве может человек вложить такие огромные деньги, и совершенно бескорыстно? – До сих пор не требовал, – добавил нотариус, секунду поколебавшись, и губы его скорбно сжались.

– До сих пор? А сейчас? – выдохнула она. – Он хочет, чтобы я выплатила ему долг?

– Да, мисс Митчелл. Боюсь, что так. Мистер Коллинз тре-

бует выплатить весь долг полностью.

Глава 3

Полностью? Пайпер всю трясло. Неудивительно, что Вейд так и не поехал с ней на эту встречу. Предатель!

– Спасибо вам, – с трудом выговорила она сквозь стиснутые зубы. – Могу я уточнить, когда конкретно Вейд Коллинз сообщил вам об этом решении?

– Сегодня утром.

Сегодня утром? Невероятно! Пока она спала, а затем нежилась в ванне, Вейд решил потребовать с нее долг, который, как он прекрасно знал, она не в состоянии была выплатить.

Улыбнувшись, Пайпер встала и протянула руку человеку, который много лет был советником ее отца по юридическим вопросам.

– Я могу что-то сделать для вас, мисс Митчелл?

– Вы ведь не можете сотворить чудо.

Она сохраняла спокойствие, пока не вышла из офиса, где ее ждала машина, присланная Вейдом утром. Ей так хотелось повернуться и уйти подальше от всего, что так жестоко обрушилось на нее. Но куда она могла пойти?

Обратная поездка к дому прошла, как в тумане. Пайпер не видела даже, какой дорогой они ехали.

Даже оказавшись без дома, Пайпер чувствовала себя более-менее уверенно, потому что у нее хотя бы оставались

деньги. Но как выяснилось, и денег у нее больше не было. А все потому, что она глупо верила: материальное обеспечение гарантировано ей до конца жизни.

Пайпер медленно поднялась по ступенькам и открыла входную дверь. Высокая тень материализовалась из гостиной, слева от нее.

– Вейд? Не ожидала увидеть тебя здесь.

– Мне удалось закончить дела пораньше.

Она взглянула в лицо человеку, который планомерно ссужал ее деньгами, но лишь для того, чтобы потребовать их обратно, и в самый тяжелый для нее момент.

– У тебя все в порядке? – спросила она, стараясь говорить спокойным голосом, хотя ей хотелось наброситься на него с кулаками.

– Полагаю, нотариус сообщил тебе не очень приятные новости?

– Ты не ошибся.

– Нам надо поговорить.

– Не надо морочить мне голову, – сказала она с презрением, которое не могла скрыть.

Вейд жестом пригласил ее войти в гостиную. В дорогом деловом костюме стального цвета, в галстук в полоску и белоснежной рубашке, с идеальной стрижкой, он имел внушительный и угрожающий вид и прекрасно знал об этом.

Пайпер решила взять быка за рога.

– Как выяснилось, я должна выплатить тебе некоторую

сумму денег, – сказала она, твердо встретив его взгляд.

К ее удивлению, Вейд рассмеялся. Белые зубы сверкнули на смуглом лице, в глазах заиграли веселые огоньки.

– Мистер Чедвик назвал тебе сумму, которую ты должна выплатить мне, – наконец выговорил он, но в голосе его уже не слышался смех, который только что разносился по гостиной.

– Да, назвал. И с процентами, несомненно, – сказала она как можно более беспечно.

– Несомненно, – согласился он.

Вейд уселся в кресло и расслабился, но по-прежнему пристально смотрел в ее лицо.

– Мне нужно время, – сказала она.

– Зачем?

– Мне нужно время, чтобы устроиться на работу. У меня нет средств, чтобы выплатить тебе долг, – злобно бросила Пайпер.

– Ну да, конечно, – сказал Вейд, смахнув со своих брюк несуществующую пылинку, – но сейчас это не имеет смысла.

Холодок пробежал по спине Пайпер.

– Почему?

– Потому что ты не окончила университет, когда у тебя для этого были все возможности. Ты никогда не искала для себя приличную работу, когда жила здесь, в Новой Зеландии. А если судить о состоянии твоего банковского счета, то ты вообще не работала ни одного дня в своей жизни. И

почему ты считаешь, что сможешь найти работу? Сейчас на рынке безработица, Пайпер. Даже в недавно открывшиеся супермаркеты не так просто устроиться. Образовалась очередь из двух тысяч соискателей. Считаешь, ты лучше их?

– Я никогда не говорила, что лучше кого-то.

– Нет, не говорила. По крайней мере, сейчас.

Пайпер почувствовала, что щеки ее зарделись. Она поняла, что он имел в виду. Когда он отказался оставить совместный бизнес с ее отцом и уехать с ней за океан, она повела себя с Вейдом отвратительно. Пайпер хотела доказательств того, что он любит ее и что она значит для него гораздо больше, чем ее отец и его собственное будущее. Но когда он отказался, она сказала ему слова, о которых теперь ей хотелось забыть. Но Вейд, видимо, их не забыл.

– Я очень сожалею о том, что произошло, Вейд. Действительно сожалею. Я была молодой, своенравной и... непомерно глупой.

– И ты с тех пор изменилась?

Вейд внимательно взглянул на Пайпер. Он не верил в то, что она изменилась. Она могла бы смирить свою гордость много лет назад. И приехать домой, прежде чем избавиться от их еще не рожденного ребенка. Но нет. Она погубила их сына или дочь так же бессердечно, как и отбросила то, что случилось между ними.

– Я изменилась, – настойчиво повторила она, и щеки ее

еще больше покраснели. – И деньги я использовала на благие цели.

– Все деньги?

– Нет, не все. Я была идиоткой, когда уезжала отсюда. Но теперь я повзрослела и изменилась. И мне нужно время, чтобы найти работу.

– У тебя нет опыта, и ты никуда не устроишься. Но у меня есть для тебя предложение, с которым, уверен, ты прекрасно справишься.

– Какое предложение?

– В последние годы я очень много работал. А после смерти твоего отца моя нагрузка в «Митчелл экспорт» увеличилась вдвое. У меня нет ни времени, ни желания искать для себя жену. Я заработал много денег, но они не радуют меня, потому что мне некому их оставить. Ты знаешь о том, что мать моя умерла, когда мне было десять лет, а отец откасался от нас. И я хочу иметь детей, которым смогу дарить свою любовь. Хочу быть таким отцом, каким был Рекс. Когда твоя мать умерла, он неустанно опекал тебя, – возможно, чрезмерно.

– У нас была совсем другая семья, Вейд. Конечно, отец поддерживал меня и заботился, но не так, как мне хотелось бы. Мне приходилось бороться за его внимание.

– Рекс, конечно, был не самый легкий человек, но он никогда не переставал любить тебя, Пайпер. Никогда. Разве тебя не удивило то, что комната твоя не изменилась с тех пор, как

ты покинула ее? Что в шкафу твоём полно новой одежды? Твоя старая одежда периодически отдавалась в химчистку на тот случай, если ты вдруг приедешь домой. Этим твой отец хотел показать тебе, как много ты значишь для него. Но ты так и не приехала... – Вейд, вздохнув, потер глаза. – Мы отвлеклись от темы разговора. Семья для меня – главная ценность в жизни. И я хочу иметь ребенка. Наследника, которому я мог бы оставить свое дело и все, что мне принадлежит.

К его удивлению, Пайпер вскочила и полетела к нему:

– В это наследство входит то, что должно быть моим! Например, художественная коллекция моей матери.

– Теперь это мое.

Вейд молчал, ожидая, когда до Пайпер наконец-то дойдет смысл его речи. И до нее дошло.

– Ты хочешь, чтобы я родила тебе ребенка?! – воскликнула она, отшатнувшись назад, будто ее ударили.

– Ты отвергаешь мое предложение?

– Да, черт возьми, отвергаю!

– Если ты родишь мне ребенка, я прощу тебе долг.

Вейд встал и подошел к ней ближе. Тоненькая жилка билась на ее шее, грудь высоко вздымалась и опускалась под тонкой тканью блузки. Он почувствовал, как его охватила жаркая волна.

– Ведь мы не испытываем друг к другу отвращения, – продолжал Вейд. – И тебе нетрудно будет сделать это.

– Ты говоришь о ребенке! О живом, дышащем существе! А не о какой-то пешке в шахматах!

– Я прекрасно знаю, о чем говорю, Пайпер. Ты готова принять мое предложение? А я, со своей стороны, не буду препятствовать тебе в общении с ребенком. Ты сможешь видеть его тогда, когда захочешь.

Она с ужасом уставилась на него. Вейд вообще представляет, о чем просит? Она не готова сейчас родить ребенка. Может быть, никогда не будет готова...

– То, что ты предлагаешь, абсурдно. Даже более чем абсурдно. Это невозможно!

– Невозможно? Я так не думаю. Может быть, у тебя есть деньги, чтобы выплатить мне долг?

Слова эти больно ударили ее. Конечно, у нее нет денег. Она не смогла бы оплатить даже номер в гостинице на одну ночь. Вейд забрал у нее все, что когда-то принадлежало ей!

– Ты знаешь, черт возьми, что я не могу этого сделать! Ты подонок! Ты забрал у меня все – мой дом, мою историю, не говоря уже о коллекции моей матери. Ты забрал у меня даже отца!

И в этот миг она поняла, какой удар для нее стал самым страшным. Ее отец. Значит, папа совсем не любил ее, раз передал все имущество Вейду?..

– А что касается Рекса, то я любил его, как своего отца. По крайней мере, я находился с ним рядом, когда он так нуждался в близком человеке, – тихо сказал Вейд.

– Я бы приехала домой, если бы знала! – Отвернувшись, Пайпер подошла к окну и добавила, обращаясь в пространство: – Это ты запретил ему сообщать мне о его болезни!

Она почувствовала, как Вейд подошел сзади и дотронулся до ее плеча. Это прикосновение было удивительно нежным. Бессердечный делец на минуту превратился в того заботливого и преданного мужчину, в которого она влюбилась много лет назад. С которым всегда ощущала себя такой защищенной...

– Возможно, ты не поверишь мне, но я настаивал, чтобы сообщить тебе о болезни отца, особенно когда стало ясно: дни его сочтены. Но Рекс был упрямым человеком, и в этом смысле вы очень похожи. – Его голос стал мягче, и эта ласковая нотка в его тоне была такой знакомой и родной, что Пайпер не смогла совладать с собой.

Рыдание вырвалось из ее груди. Она больше не могла сдерживать боль, которая разрывала ее сердце.

Развернув Пайпер к себе, Вейд обнял ее, и она прижалась лицом к его груди.

В конце концов она немного справилась с собой, рыдания ее постепенно превратились во всхлипывания. Она чувствовала, как напряглось его тело.

– Разве это так плохо, Пайпер? Когда-то нам было хорошо друг с другом...

– Пожалуйста! – взмолилась она, оторвав от его груди заплаканное лицо. – Дай мне время подумать.

На секунду ей показалось – он сейчас откажет. Потребуется от нее немедленного ответа, а затем либо выставит за дверь, либо, перекинув через плечо, потащит наверх, в спальню.

При мысли об этом у Пайпер сладко заныло внизу живота. Черт возьми, даже тело предает ее! Оно до сих пор помнит, как им было хорошо вместе...

«Но ведь все это в прошлом, – напомнила себе Пайпер. – Этот мужчина – практически незнакомый для меня человек. И я не могу любить незнакомца».

Вероятно, эмоции отразились у нее на лице, потому что Вейд в конце концов коротко кивнул:

– Ты можешь подумать до обеда.

Глава 4

Пайпер беспомощно смотрела вслед Вейду. Она слышала его шаги по шуршавшему гравия, звук захлопнувшейся дверцы машины. Затем загудел мотор и вскоре затих – Вейд уехал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.